

лись, правда, и некоторые исключения. Так, если раб умирал во время наказания плетью или пребывания в темнице, то господин не нес никакой ответственности³². За убийство чужого раба свободный подвергался уголовному наказанию³³.

Большую опасность для общества в рабовладельческом мире представляли преступления, связанные с продажей или покупкой заведомо свободного человека с целью обращения его в рабство (*plagium*)³⁴. Продажа свободного наказывалась смертью³⁵. Закон предписывал в каждом сомнительном случае проводить тщательное расследование того, был ли продан в рабство беглый раб, выдававший себя за свободного человека, или свободнорожденный гражданин³⁶.

Тяжким преступлением в римском уголовном праве считалось нарушение супружеской верности — прелюбодеяние. В предписании Дигест по этому вопросу ярко проявляются сословные предрассудки того времени. Особенно сурово пресекались «позорные» связи между свободными людьми и рабами. За связь со знатной женщиной раб предавался сожжению. Отталкивающее впечатление производит продажа мужем жены для проституции (*lenocinium mariti*), показывающая всю глубину падения нравов той эпохи³⁷.

Рост коррупции привел к чрезвычайному распространению преступлений, связанных с различными подделками (*falsum*), вымогательствами (*peretundae*), хищением казенных денег (*peculatus*)³⁸. Соккрытие истинных доходов от государственных сборщиков налогов с целью уменьшения размера взноса рассматривалось в римском праве как важное государственное преступление, караемое высоким штрафом³⁹. При дознании по этому делу разрешалось выслушивать показания рабов.

Итак, уголовное право по законодательству Юстиниана отличалось значительно большей реакционностью, чем гражданское. В нем с предельной ясностью сказались классовые и социальные предрассудки рабовладельческого общества: ненависть к рабам и свободным беднякам, императорский деспотизм и отсутствие какой-либо политической свободы. Большое влияние на уголовный суд оказывали социальные и политические условия жизни.

Уголовное судопроизводство особенно поражало своей классовой предвзятостью и несправедливостью; неправильное построение органов уголовного суда при смешении однородных функций законодательной, административной и судебной власти исключало какое-либо равенство граждан перед судом. По произволу императоров были фактически упразднены не только равенство сторон, но и судебная защита и строгая оценка судебных доказательств.

³² CJ, IX, 14.1. В законе сказано: «Если господин будет бить раба плетью... или заключит его в оковы и бросит в темницу... то пусть не опасается быть обвиненным в смерти раба. Однако своим правом пусть пользуется умеренно, в противном случае он стал бы убийцей человека, если преднамеренно убил его ударом палки или камня, или, пользуясь другим смертоносным оружием, нанеся ему рану или предписав его повесить, или ужасным приказанием привести его к гибели, или отравив сильно действующим ядом, а также если будет терзать тело жестокими пытками, резать железом ногти, жечь тело поднесенным огнем... или же будет подвергать мучительным истязаниям, вследствие которых человек умирает».

³³ CJ, III, 35.3. Если раб был изувечен или убит посторонним лицом, то виновный не только возмещал ущерб господину раба, но и привлекался к уголовной ответственности за убийство.

³⁴ Dig., XLVIII, 15.1—7.

³⁵ Dig., XLVIII, 15.1.

³⁶ Dig., XLVIII, 15.2.3.6.

³⁷ Dig., XLVIII, 5.29.

³⁸ Dig., XLVIII, 10.1—33; 11.1—9; 13.1—14.

³⁹ Dig., XLVIII, 12.2—3.